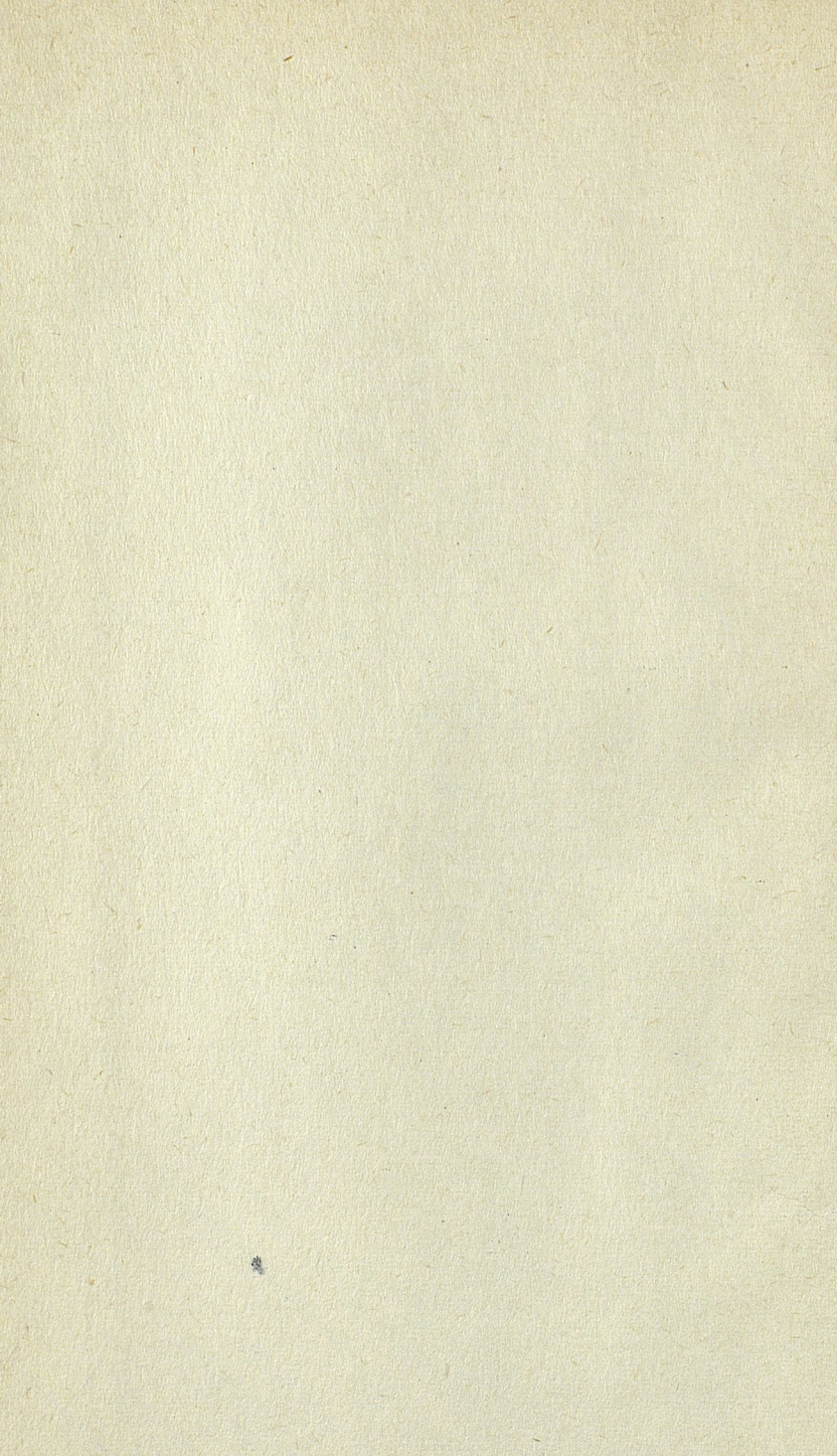

R 449
R 969

R 449
969

Литература

ПОСЛѢ ГОГОЛЯ

Тургеневъ.

Помѣщики.

ТИФЛИСЬ

1904 года.

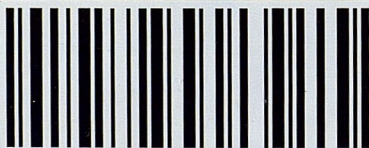
Тип. А. И. Петрова, уголъ Гриб. и Крузеншт. ул., № 5.

Телефонъ типографіи № 387.

Дозволено цензурою Тифлисъ 20-го Мая 1904 г.

Государственная
Б.Б. ПОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

11160-70

2010515572

Литература послѣ Гоголя.

I. Тургеневъ.

Разсматривать литературу позднѣйшаго періода мы начинаемъ съ Тургенева, писателя, захватывающаго, по общему признанію, всѣ явленія русской жизни въ продолженіе длиннаго періода. Работы наши назначаются для школы (для педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій и для пепиньерскаго класса институтовъ), поэтому останавливаемся только на нѣкоторыхъ произведеніяхъ, обрисовывающихъ важнѣйшія явленія русской жизни болѣе, чѣмъ за 20 лѣтъ. Избираются „Записки охотника“, „Рудинъ“, „Дворянское гнѣздо“, „Наканунъ“, „Отцы и дѣти“. Первые изъ этихъ произведеній по своему содержанію примыкаютъ къ сочиненіямъ Грибоѣдова, Пушкина и Гоголя, поэтому для выясненія нѣкоторыхъ Тургеневскихъ типовъ необходимо сопоставленіе съ типами упомянутыхъ авторовъ. Смѣю думать, что методъ „Устныхъ сочиненій“ (статьи печатались въ Педагогическомъ сборникѣ) вполне цѣлесообразенъ для извлеченія существеннаго содержанія изъ произведеній Тургенева и для надлежащаго освѣщенія явленій жизни и типовъ.

I. Всѣ типы свои Тургеневъ дѣлитъ на Гамлетовъ и Донъ-Кихотовъ; но такое дѣленіе, по моему

мнѣнію, не охватываетъ всѣхъ лицъ, изображенныхъ Тургеневымъ: Донъ-Кихоть и Гамлетъ — двѣ разновидности романтиковъ, или идеалистовъ; одни изъ романтиковъ вѣрятъ въ свой туманный идеаль—это Донъ-Кихоты; другіе разочаровались, „смирились“ совсѣмъ опустили, ни къ какому дѣлу не могутъ пристать—это Гамлеты.

II. Вѣрнѣе дѣлится не только типы Тургенева, но и всѣхъ людей, конечно, и авторовъ—на *романтиковъ, или идеалистовъ, и реалистовъ*. Романтики, или идеалисты, предъявляютъ къ жизни свои требованія, ищутъ осуществленія своихъ идеаловъ, составленныхъ отвлеченно, вслѣдствіе задатковъ въ натурѣ и впечатлѣній дѣтства и юности. Реалисты же берутъ то, что преподноситъ жизнь; данное жизнію они приспособляютъ для себя, возводятъ, по прекрасному выраженію Гоголя, „въ перль созданія“. Что дала жизнь, то реалистъ „зацѣпилъ, поволокъ; сорвалось — что-жъ? плакать нечего: нужно дѣло дѣлать“, и реалистъ начинаетъ снова. Онъ всегда устраивается въ жизни недурно; падая, опять подымается (Чичиковъ, Костанжогло, Муразовъ, Овсяниковъ).

A. I. Романтикъ рѣдко достигаетъ благосостоянія, ему всегда худо живется. О романтикахъ реалисты говорятъ то-же, что Кеведео сказала о Камоэнсъ („Камоэнсъ“—драматическая поэма Жуковскаго): „Онъ (Камоэнсъ) въ домѣ сумашедшихъ, позабытъ людьми, и все имущество его — покрытый ржавчиною мечъ, да лютня безъ струнъ... Зачѣмъ онъ жилъ? и что онъ нажилъ? Донъ-Людвигъ Камоэнсъ — *десятый нумеръ*, и все тутъ! такъ записано въ реестрѣ“. По романтики—люди, необходимые въ жизни: они, рожденные „для звуковъ сладкихъ и молитвъ“, будятъ общество, „мучатъ и волнуютъ“, отрываютъ его, хотя

на время, отъ низменныхъ интересовъ, зовутъ общество къ осуществленію идеала. Васко (въ той же поэмѣ)—романтикъ говоритъ: „Не счастья, не славы здѣсь ищу я: быть хочу крыломъ могучимъ, подъемлющимъ родныя мнѣ сердца на высоту,—зарей, побѣду дня предвозвѣщающей, великихъ думъ воспламенителемъ, глаголомъ правды, лѣкарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ, и сторожемъ нетлѣнной той завѣсы, которою предъ нами горній міръ задернуть, чтобъ порой для смертныхъ глазъ ее приподнимать и святость жизни являть во всей ея красѣ небесной“. Такое высокое назначеніе „глаголомъ жечь сердца людей“ имѣютъ въ жизни лучшіе романтики, или идеалисты; но дороги романтиковъ при общемъ исходномъ пунктѣ очень разнообразны.

2. а) *Общій* исходный пунктъ романтизма — *недовольство*. Это недовольство можетъ произойти отъ неприглядной обстановки. Пушкинъ въ сказкѣ „О рыбацѣ и рыбкѣ“ далъ прекрасную картинку, характеризующую романтизмъ въ жизни. Бѣдный старикъ со своею старухою живетъ у моря въ ветхой землянкѣ 33 года. Самъ старикъ ловитъ неводомъ рыбу, старуха прядетъ свою пряжу. Имущества-то у нихъ одно корыто, да и то разбитое: неприглядная дѣйствительность! Естественно, зарождается желаніе устранить непріятное въ жизни, оторваться отъ этой дѣйствительности: разбитое корыто, по приказанію рыбки, замѣняется новымъ; потомъ — вмѣсто ветхой землянки являются хоромы; старуха дѣлается дворянкою, потомъ — царицею; обстановка вся измѣняется: стоитъ стража съ топориками, старуха ѣстъ „пряники писаные“; но писанный пряникъ не романтическій пряникъ, да и стража состоитъ изъ обыкновенныхъ людей.

Старуха-романтикъ не удовлетворилась этимъ: она захотѣла сдѣлаться „владычицей морской“, чтобъ рыбка была у ней въ услуженіи; тогда всѣ желанія будутъ удовлетворяться, какъ у „Емели-дурака“ — „по щучьему велѣнью“; будетъ возможно все — не простое, а таинственное, неизвѣстное, неопредѣленное: желанія романтика не имѣютъ предѣла — онъ готовъ сдѣлаться владыкою ада, лишь бы это было необыкновенное, лишь бы оторваться отъ дѣйствительности.

б) Недовольство романтика даже не всегда обусловливается неудовлетворительностію окружающаго: „Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури, надъ нимъ лучъ солнца золотой; а онъ мятежный ищетъ бури, какъ будто въ бурѣ есть покой“ („Парусъ“ Лермонтова). Душа Лермонтова „томится желаніемъ чуднымъ полна“.

3. Стремленіе романтиковъ могутъ быть возвышенны, но далеко не всегда; одинъ стремится въ „туманну даль“, гдѣ цвѣтутъ „романтическія розы“; другой („Кавказскій плѣнникъ“) гонится за „призракомъ свободы“; третій мечтаетъ о подземномъ ходѣ и мостѣ черезъ прудъ съ лавками по обѣимъ сторонамъ (Маниловъ) — это смѣшное стремленіе; низменно стремленіе жены городничаго („Ревизоръ“): Я не иначе хочу, чтобы нашъ домъ былъ первый въ столицѣ и чтобы у меня въ комнатѣ было такое амбре, чтобъ нельзя было войти и надо бы только этакъ зажмурить глаза“.

4. а) Многое низменно, смѣшно; но человѣку свойственно уходить отъ дѣйствительности, хотя бы въ мечтахъ (Маниловъ), въ фантазированіи о серебряномъ, золотомъ, брилліантовомъ подземномъ царствѣ. У Жуковскаго, какъ и у другихъ романтиковъ,

много фантастическихъ произведеній; у Пушкина такого характера „Русланъ и Людмила“, „Бѣсы“, сказки.

б) Сущность всякаго романтизма не въ стремленіи къ небесному непремѣнно, а въ желаніи уйти отъ дѣйствительности. Чацкій ищетъ „оскорбленному чувству уголка“; Лермонтовъ „хотѣлъ бы забыться и уснуть“.

а) Въ болѣе спокойномъ состояніи Лермонтовъ способенъ окончательно успокоиться на красотахъ природы: „Тогда, говоритъ онъ, смирятся души моей тревога, тогда расходятся морщины на челѣ, и счастье я могу постигнуть на землѣ, и въ небесахъ я вижу Бога“. Пушкинъ въ минуты вдохновенья стремится „на берега пустынныхъ водъ въ широкошумныя дубравы“; тамъ онъ свободною душою законъ боготворить, находитъ блаженство въ истинѣ, не завидуешь, обращается къ „оракуламъ вѣковъ“; тамъ онъ, какъ эхо, отзывается на все, предается „звукамъ сладкимъ и молитвамъ“. Это не есть нѣчто навѣянное, а въ природѣ человѣка: одною жизнію съ природою живутъ люди, не тронутые воспитаніемъ, какъ Калинычъ и Касьянъ съ Красивой мечи. Касьяну хотѣлось бы въ тѣ страны, „гдѣ солнце привѣтливѣе свѣтитъ, и Богу человѣкъ виднѣй, и поется-то ладнѣй; гдѣ живетъ всякъ человѣкъ въ довольствѣ и справедливости“.

г) Пушкинъ способенъ былъ, по мягкости своей натуры, мириться и съ непріятными явленіями жизни, идеализируя жизнь. Его не смущаютъ самыя печальныя явленія: „угасшее веселье“, „трудъ и горе“ и даже смерть; онъ находитъ во всѣхъ этихъ явленіяхъ утѣшительную свѣтлую сторону („Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“, „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“). Это тоже романтическая черта.

д) У романтиковъ, вслѣдствіе недовольства, является исканіе осуществленія идеаловъ, иногда призрачныхъ, туманныхъ. У Пушкина „Кавказскій пленникъ“, порвавъ свои связи съ обществомъ, отправился съ призракомъ свободы къ свободнымъ людямъ на Кавказъ; подобно тому и Алёко (въ „Цыганахъ“) ищетъ свободы у цыганъ. Жизнь и кавказцевъ и цыганъ, только съ нѣкоторою идеализаціей, обрисована реальными чертами. Другой романтикъ Жуковский ищетъ идеаловъ въ *легендарномъ* прошломъ, а не въ реальномъ настоящемъ. Исканіемъ идеаловъ въ прошломъ объясняется и переводъ „Рустема и Зораба“, а также Одиссеи; такое же обращеніе къ древней поэзіи и у Гнѣдича. Наконецъ — А. Майковъ много писалъ въ духѣ античной поэзіи. Довольно туманенъ идеалъ Плещеева: завидя „зарю святого искупленья“, онъ зоветъ впередъ „безъ страха и сомнѣнья на подвигъ доблестный“, противъ „жрецовъ грѣха и лжи“.

е) Романтики, разочарованные на первыхъ порахъ въ своихъ исканіяхъ, могутъ, остаться со своимъ недовольствомъ, могутъ озлобиться, „смириться“ („Гамлетъ“); къ такимъ романтикамъ принадлежатъ скорбные поэты, сатирики (нѣкоторые).

Б. Гоголь и Тургеневъ — главные представители *реального* направленія въ русской литературѣ. Гоголь самъ говорилъ, что не могъ ничего выдумать, не могъ написать ни одной строки, не имѣя фактовъ. Онъ и самъ изучалъ дѣйствительность во всѣхъ ея мелочныхъ подробностяхъ, и пользовался услугами другихъ, напр. матери. Пушкинъ говорилъ: „этотъ хохоль меня обираетъ“. Подобно ему и Тургеневъ не могъ создать типа, не имѣя въ виду конкретнаго лица. Реалистъ прежде всего наблюдаетъ дѣйствительность, и добытое возводитъ „въ перлъ созданія“; такъ быва-

еть въ жизни, такъ и въ литературѣ. Говорятъ — Гоголь, возведши „въ перлъ созданія“ свою мать, создалъ типъ Пульхеріи Ивановны. Творчество его и Тургенева представляется, въ виду этого, въ такомъ видѣ: Въ основу берется конкретное лицо; авторъ вдувается, старается постигнуть сущность, идею лица, идею его существованія. Когда постигнута идея, тогда все случайное въ этомъ лицѣ игнорируется, недостающее пополняется чертами лицъ того же типа; творческая фантазія синтезируетъ черты, придаетъ имъ цѣлость¹⁾. Въ частности — и отдѣльныя рѣчи, каждое слово, каждое дѣйствіе фантазія доводитъ до той художественности, при которой ни одна іота не противорѣчитъ идеѣ, типичности лица или явленія. Авторъ-реалистъ изъ фактовъ извлекаетъ идею; романтикъ ищетъ образовъ для готовой идеи, ищетъ иногда реальныхъ образовъ, иногда сказочныхъ („Бѣсы“ Пушкина).

III. По преобладающему элементу (реальному или романтическому) всѣхъ разбираемыхъ авторовъ мы раздѣлимъ на двѣ группы: Гоголевскую, или реальную, и Пушкинскую, или романтическую.

Гоголевская группа. I. Тургеневъ.

Помѣщики по „Запискамъ Охотника“ и по „Рудину“.

I. 1. Гоголь считается творцомъ реального направленія. Тургеневъ — послѣдователь Гоголя; но онъ шире захватываетъ явленія жизни. Гоголь показалъ, какъ неблагоприятно отозвалось крѣпостное право на помѣщикахъ; но о крестьянахъ онъ почти совсѣмъ умолчалъ. У Тургенева выступаетъ со всею яркостью не только отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ, но

¹⁾ Этотъ процессъ очень походитъ на образованіе общаго понятія; нѣтъ только „отвлеченія“.

и симпатичныя черты угнетаемыхъ крестьянъ. Сверхъ того Тургеневъ имѣлъ возможность прослѣдить и новыя явленія въ жизни помѣщиковъ, въ позднѣйшіе періоды.

2. Гоголь рисуеъ помѣщиковъ, почти нетронутыхъ европеизмомъ; Тургеневъ открываетъ передъ нами „лазаретъ западниковъ“; въ этомъ лазаретѣ „Гамлеты“, „Донъ-Кихоты“, реформаторы въ духѣ Запада, ораторы, Звѣрковы, Пѣночкины, Хвалынскіе, идейные Рудины. Большинство типовъ Тургенева листки, оторванные отъ рѣднаго дерева; даже „славянофильствующій“ Любозвоновъ не представляетъ исключенія; типы простыхъ, не тронутыхъ Западомъ, немного.

3. На первой ступени являются „Записки охотника“ и „Рудинъ“, обрисовывающія все зло крѣпостнаго права, по отношенію къ помѣщикамъ и къ крестьянамъ. По прочтеніи „Записокъ охотника“ напрашивается вопросъ: отчего большинство помѣщиковъ чуждо Россіи? Отвѣтъ данъ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“: Родоначальникъ Лаврецкихъ изъ Пруссіи; хотя нѣкоторые члены рода русѣли, но въ дальнѣйшемъ — жизнь за границей и уродливое воспитаніе подъ руководствомъ иностранцевъ измѣняли этихъ людей, отрывали отъ Россіи. Только женщины были въ этомъ отношеніи въ лучшемъ положеніи (естественно — онѣ менѣе подвергались иностранному вліянію): на Лизу вліяетъ не иностранка, а кающаяся грѣшница Агаѣя, усвоившая аскетическіе взгляды древней Руси, до сего времени господствующіе въ народѣ. Въ „Наканунѣ“ уже чувствуются новыя вѣянія: выступаетъ женщина, ищущая дѣятельнаго добра, Елена (ея предшественница въ „Рудинѣ“ — Липина); Елена помогаетъ всѣмъ бѣднымъ и слабымъ. На первый случай и это дѣятельность Елена ищетъ дѣятельнаго человѣка, съ

которымъ и связываетъ свою судьбу; но человѣкъ этотъ не русскій, а болгаринъ. Въ концѣ повѣсти ставится вопросъ: будутъ ли у насъ люди? Но вотъ являются, наконецъ, люди дѣла въ „Отцахъ и дѣтяхъ“. Базаровъ — полуплебейскаго происхожденія, человѣкъ близкій къ народу: онъ гордится тѣмъ, что его дѣдъ землю пахалъ, что народъ понимаетъ его. Базаровъ не любитъ краснорѣчія, возвышенныхъ барскихъ интересовъ (отвергаетъ даже поэзію); занимается только дѣломъ, а не разговоромъ. Базаровъ готовъ заимствовать у Европы, но только то, что она даетъ серьезнаго: онъ беретъ знанія, а все-таки работаетъ самостоятельно на поприщѣ науки. Какіе результаты движенія русскаго общества? „Дымъ, дымъ!“ повторилъ нѣсколько разъ Литвиновъ; и все показалось ему дымомъ, все собственная жизнь, русская жизнь, все людское, особенно — русское“.

II. *Записки охотника и Рудинъ*. 1. Бѣлинскій замѣтилъ талантъ Тургенева по первымъ его произведеніямъ; но выдвинулся и сразу пріобрѣлъ большое литературно-общественное значеніе Тургеневъ „Записками охотника“: эти очерки, повидимому невиннаго содержанія, произвели громадное впечатлѣніе на публику и даже на наслѣдника престола, будущаго освободителя крестьянъ. Въ началѣ 1847 года Тургеневъ уѣхалъ за границу, гдѣ и написалъ большинство рассказовъ „Записокъ охотника“: „Я, пишетъ Тургеневъ, не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ; мнѣ необходимо было удалиться отъ моего врага съ тѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ крѣпостное право“. Такое отношеніе къ крѣпостному

праву выработалось подъ впечатлѣніями дѣтства: онъ видѣлъ весь гнетъ помѣщиковъ; самовластіе онъ чувствовалъ и на себѣ; доходило дѣло до того, что онъ подумывалъ бѣжать изъ дому.

2. Врагъ Тургенева — крѣпостное право; поэтому несмотря на свою мягкую натуру, несмотря на сочувствіе нѣкоторымъ личностямъ, Тургеневъ, за малыми исключеніями, отнесся къ помѣщикамъ съ большимъ неодобрѣніемъ. Мѣткое слово Гоголя „задоръ“ очень пригодно для обозначенія господствующихъ чертъ помѣщиковъ. „У всякаго есть свой задоръ, говоритъ Гоголь: у одного задоръ обратился на борзыхъ собакъ; другому кажется, что онъ сильный любитель музыки и удивительно чувствуетъ всѣ глубокія мѣста въ ней; третій мастеръ лихо пообѣдать; четвертый сыграть роль хоть однимъ вершкомъ выше той, которая ему назначена; пятый съ желаніемъ болѣе ограниченнымъ — спитъ и грезитъ о томъ, какъ бы пройтись на гуляньѣ съ флигель-адъютантомъ, на показъ своимъ пріятелямъ, знакомымъ и даже незнакомымъ; шестой уже одаренъ такою рукою, которая чувствуетъ желаніе сверхъестественное заломить уголь какому нибудь бубновому тузу или двойкѣ; тогда какъ рука седьмого такъ и лѣзетъ гдѣ-нибудь произвести порядокъ, подобраться поближе къ личности станціоннаго смотрителя или ямщиковъ, словомъ—у всякаго есть свой задоръ“. Картину эту дополняетъ Тургеневъ: „Меня, говоритъ онъ, поражало то, что я не могъ въ немъ (въ Радиловѣ) открыть страсти ни къ ѣдѣ, ни къ вину, ни къ охотѣ, ни къ курскимъ соловьямъ, ни къ голубямъ, страдающимъ падучею болѣзнію, ни къ русской литературѣ, ни къ иноходцамъ, ни къ венгеркамъ, ни къ карточной, ни къ билліардной игрѣ, ни къ танцевальнымъ вечерамъ, ни къ поѣздкамъ въ губернскіе и

столичные города, ни къ бумажнымъ фабрикамъ и свеклосахарнымъ заводамъ, къ раскрашеннымъ бесѣдкамъ, ни къ чаю, ни къ пристяжнымъ, ни даже къ толстымъ кучерамъ, у которыхъ, Богъ знаетъ почему, отъ каждаго движенія шеи глаза косятся и лѣзутъ вонъ... Что это за помѣщикъ наконецъ?“ Вотъ тѣ интересы, которыми жили помѣщики до конца пятидесятихъ годовъ, т.-е. до времени, когда почуялось исканіе новыхъ началъ жизни. Одни помѣщики съ интересами возвышенными ѣздятъ въ города, „чтобы не одичать“ (Маниловъ), другіе имѣютъ страсть къ русской литературѣ: Полутыкинъ хвалитъ сочиненія Акима Нахимова и повѣсть „Пинну“; Королевъ собирается строить бумажную фабрику на болотѣ; нѣкоторые устраиваютъ конторы, комиссіи, подкомиссіи и проч.

3. Главные представители высшихъ интересовъ Рудинъ, Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Беневоленскій, старая дѣва-просвѣтительница, Королевъ, Любозвоновъ; сюда же относятся лица, усвоившія европейскую внѣшность: Звѣрковъ, Пѣночкинъ, Хвалынскій.

4. Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, дѣйствительно, образованный человѣкъ; таковы же Ленскій, Чацкій, Рудинъ и Королевъ. Одна бѣда: у всѣхъ у нихъ отвлеченное направленіе мысли; учились они помимо жизни, а не для жизни; принадлежатъ они къ барской средѣ, гдѣ не имѣлось насущной потребности дѣла, а потому и знаніе обращалось въ бездѣлье; а между тѣмъ всѣ эти люди выдѣляли себя изъ массы, считали себя избранниками, предназначенными къ высокой цѣли. Всѣ они, подобно Ленскому, думали, что они-то и есть „избранные судьбами людей священные друзья, что ихъ бессмертная семья неотрази-

мыми лучами когда-нибудь насъ озарить и міръ блаженствомъ одарить“.

А. а) Ленскій жилъ очень недолго и жилъ въ замкнутомъ кругу: онъ не успѣлъ извѣриться въ себя—такъ и сошелъ въ могилу очарованный собою, увѣренный въ своемъ высокомъ призваніи, въ легкости осуществленія своихъ отвлеченныхъ идеаловъ. Не то случилось съ Щигровскимъ Гамлетомъ: по возвращеніи изъ-за границы онъ „заговорилъ неожиданно бойко и въ то же время возмечталъ о себѣ Богъ знаетъ что“. Нашлись снисходительные люди, которые возвели его въ геніи; его особенно внимательно слушали дамы. Но появилась сплетня, заставившая его удалиться изъ Москвы; окончательно развѣнчалъ его исправникъ: Гамлетъ „смирился“, понялъ, что „ни хозяйство, ни служба, ни литература—ничто не пристало къ нему“. И по своей отчужденности отъ жизни Гамлетъ близко подходитъ къ Ленскому: Гамлетъ просто разочарованный Ленскій. Онъ говоритъ: „Почему я съ вами разговорился—Господь одинъ вѣдаетъ! не вслѣдствіе же родства нашихъ душъ“. Это замѣчаніе и предполагаетъ, что онъ, подобно Ленскому, вѣритъ въ родство: онъ хочетъ показаться не тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ.

б) Среди общества, въ которомъ вращался Гамлетъ, онъ могъ, по справедливости, считаться образованнымъ, развитымъ человѣкомъ: онъ изучилъ Гегеля, зналъ наизусть Гете, прекрасно говорилъ по-французски и по-нѣмецки.

в) Къ смиренію же Гамлетъ пришелъ вслѣдствіе сознанія своей пустоты и безсилія. Развитой умъ помогъ ему понять, въ чемъ его несостоятельность, именно — въ отсутствіи оригинальности; „Что мнѣ въ томъ, говоритъ онъ, что у меня голова велика, умѣститель-

на, и что ты понимаешь все, много знаешь, за вѣкомъ слѣдишь, да своего-то, особеннаго у тебя ничего нѣту! однимъ складочнымъ мѣстомъ общихъ мѣстъ на свѣтѣ больше“. Гамлетъ понимаетъ, что энциклопедія Гегеля не имѣетъ ничего общаго съ русскою жизнію, понимаетъ, что не за чѣмъ ему было ѣздить учиться въ Германію: тамъ онъ учился по тѣмъ же книжкамъ, по которымъ могъ учиться и въ Россіи; а помимо книжекъ онъ ничего не могъ изучать: „Гдѣ нашему брату изучать то, чего еще ни одинъ умница въ книгу не вписалъ?“ Жизнь русскую онъ не могъ понять. Юношество наше не училось для жизни—ему и не нужно было понимать ее: ему нужно было черпать идеи изъ книгъ, изъ лекцій, въ „кружкахъ“; этимъ путемъ молодые люди безъ труда получали готовые выводы. Выводы, сдѣланные не изъ явленій жизни и не для жизни, служили для препровожденія времени. То, что сказано о Евгеніи Онѣгинѣ и Ленскомъ, приложимо ко всѣмъ: „Межъ ними все рождало споры и къ размышленію влекло: племень минувшихъ договоры, плоды наукъ, добро и зло, и предразсудки вѣковые, и тайны гроба роковыя, судьба и жизнь, въ свою чреду, все подвергалось ихъ суду“. Не подвергалось ихъ суду только то, что должно занимать всякаго: ихъ не занимали насущныя дѣла. Сознаніе всей бесполезности умственной сутолоки, сознаніе того, что онъ вертится, какъ бѣлка въ колесѣ, и привело Гамлета къ смиренію, къ разочарованію: это еще дѣлаетъ честь уму, если нѣтъ лицемерія.

г) Препровожденіе, коротаніе времени возвышеннымъ способомъ—это все-таки имѣетъ практическое значеніе; но бывало хуже, какъ это мы видимъ на Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда. Послѣ неудачи въ Мо-

сквѣ Гамлетъ уѣзжаетъ въ свою деревню: помѣщиковъ онъ чуждается; литература опротивѣла; „для водянисто-пухлыхъ и болѣзненно-чувствительныхъ барышень, встряхивающихъ кудрями и лихорадочно твердящихъ слово „жизнь“, онъ ничего занимательнаго не представлялъ; слѣдовательно—дѣвать время некуда. Онъ „сталъ таскаться по сосѣдямъ“, и тамъ подвергался всякимъ униженіямъ; даже лакеи, проходя мимо съ подносомъ, поднимали локти повыше, чтобы онъ чего-нибудь не взялъ.

д) Гамлетъ „смирился“; но въ этомъ смиреніи было что-то иное—это скорѣе манія величія: онъ рисовался своимъ „смиреніемъ“, юродствовалъ. Въ началѣ разговора онъ обнаруживаетъ боязнь, что его принимаютъ за дурака, за степняка, за невѣжу: „а я, говоритъ онъ, совсѣмъ не то, что вы думаете“. „Во-первыхъ, я говорю по-французски не хуже васъ, а по-нѣмецки даже лучше; во-вторыхъ, я три года провель за границей, въ одномъ Берлинѣ прожилъ восемь мѣсяцевъ. Я Гегеля изучилъ, милостивый государь, знаю Гете наизусть“... „Я вашего поля ягодка, а не степнякъ, какъ вы полагаете... я тоже зафденъ рефлексіей“. Послѣ такого приступа вся рѣчь о смиреніи, о неоригинальности представляется неискреннею. Напротивъ, онъ хочетъ *показать* себя оригиналомъ; но все-таки въ глубинѣ души его точитъ червь, онъ страдаетъ отъ сознанія своей непригодности къ дѣлу.

е) Несмотря на внѣшнюю оригинальность рѣчи, онъ, дѣйствительно, не оригинальный человѣкъ, какъ и всѣ, учившіеся не для жизни, а только для того, чтобы быть безцѣльно „просвѣщенными“ людьми, чтобы имѣть возможность вести идейный разговоръ. Это уваженіе къ „просвѣщенію“ проявляется

различнымъ способомъ: Петрушка Чичикова изъ буквъ слагаетъ слова; Гамлетъ и Рудинъ изъ суждений слагаютъ идеи; что изъ этого слаганія выйдетъ—имъ мало заботы, лишь бы вышло что-нибудь красивое: все равно вѣдь эти идеи не для практическаго примѣненія.

Б. а) Рудинъ стоитъ ближе къ Чацкому: и тотъ и другой мнятъ себя общественными дѣятелями, принимая слова за дѣла. Но Чацкій стоитъ выше Рудина: онъ видитъ язвы общества и указываетъ на нихъ. Одна бѣда: путемъ проповѣди нельзя пробить толстую кору невѣжества и безнравственности, — совѣтъ Крылова здѣсь частію пригоденъ: „А я бы повору иному велѣлъ на стѣнкѣ зарубить, чтобы (тамъ) рѣчей не тратить попустому“. Свѣтлые идеалы вносятъ въ жизнь скромные дѣятели, а не громкіе говоруны. Фамусовъ правъ говоря: „поди-тко послужи, имѣніемъ не управляй оплошно“. Язвы, указанные Чацкимъ, не дали еще перегноя, а Рудинъ насаждаетъ райскія деревья: онъ романтикъ, живущій своимъ внутреннимъ міромъ, идеализирующій этотъ внутренній міръ до упоенія; онъ не замѣчаетъ, что его положеніе, его дѣйствія противорѣчатъ этому внутреннему міру. Онъ поэтъ, рожденный для звуковъ сладкихъ и молитвъ; онъ „крыло могучее“, поднимающее людей; въ этомъ убѣжденъ самъ Рудинъ, этому вѣрятъ и всѣ окружающіе.

б) Несмотря на то, что представляется, будто Тургеневъ относится къ Рудину сочувственно, на самомъ дѣлѣ авторъ прекрасно освѣтилъ этотъ типъ: въ началѣ повѣсти данъ фонъ—представлена Липина (сестра Волынцева), женщина, по мнѣнію другихъ, мало развитая; но она дѣлаетъ дѣло такое же, какое и Елена въ „Наканунѣ“: заботится о слабыхъ; у нея, какъ и у Лизы (въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“) „словъ

своихъ нѣтъ“; отсюда понятна любовь къ ней Лежнева, человѣка скромнаго, дѣловитаго, чуждаго рисовки, не сочувствующаго Рудинству; тутъ же является и Волынцевъ, отправляющійся въ поле, занятый своимъ скромнымъ дѣломъ, человѣкъ съ сердцемъ. На такомъ фонѣ рельефно выступаетъ другой кружокъ салонныхъ завсегдатаевъ, говоруновъ безъ дѣла и безъ сердца. Значеніе начальной картины осталось какъ-то мало замѣтнымъ; Липина, Волынцевъ, Лежневъ остались въ тѣни, но это „черноземная сила“: они составили свое личное счастье, они произносятъ судъ. Идею можно выразить такъ: лучше дѣлать маленькое дѣло, нежели вести возвышенные разговоры; „лучше маленькая рыбка, чѣмъ большой тараканъ“.

в) Рудинъ, повидимому, человѣкъ *убѣжденія*: съ первыхъ словъ онъ побѣдоносно доказываетъ Пигасову, что убѣжденія существуютъ: „Стало быть, по-вашему, убѣжденій нѣтъ?“ спрашиваетъ онъ. „Нѣтъ и не существуетъ“. Это ваше убѣжденіе? — „Да“. — „Какъ же вы говорите, что ихъ нѣтъ? вотъ вамъ одно на первый случай“. Несмотря на этотъ ловкій пріемъ, очаровавшій всѣхъ присутствующихъ, вопросъ объ убѣжденіяхъ остается не разрѣшеннымъ; а особенно трудно не усомниться въ существованіи убѣжденій у самаго Рудина. Убѣжденіе есть идея, захватившая все существо человѣка, овладѣвшая мыслію, чувствомъ, волею; въ силу этого она не можетъ оставаться только въ головѣ, а переходитъ въ дѣйствіе, или по крайней мѣрѣ, при слабости воли, переходитъ хотя въ неудачныя попытки дѣйствовать. Положеніе человѣка съ убѣжденіемъ всегда болѣе или менѣе трагично. Иной выразится: я убѣжденъ, что дважды два четыре, что человѣку нужна пища,

вода и воздухъ; такихъ убѣжденій у каждаго чело-вѣка хватитъ на нѣсколько томовъ—и все-таки этихъ людей нельзя назвать людьми съ убѣжденіями.

г) Убѣжденія, конечно, существуютъ; но ихъ нѣтъ ни у Рудина, ни у Пигасова: оба они только потѣшаютъ салонное общество — Пигасовъ ядовитыми выходками, Рудинъ возвышенными идеями, по своей конструкціи смахивающими на убѣжденія. „Человѣкъ долженъ *быть и жить въ истинѣ*“ — идея Рудина, но не убѣжденіе: вся жизнь Рудина доказываетъ, что онъ не убѣжденъ въ этомъ, что онъ убѣжденъ совершенно въ противоположномъ, убѣжденъ, что человѣку совсѣмъ худо „быть и жить въ истинѣ“. Самъ Рудинъ, высказывая идеи, полагаетъ, что онъ убѣжденъ, и ему кажется, что это сейчасъ легко осуществить; но осуществить *долженъ* не онъ, а другой: землю пашетъ „другой“, сапоги ему надѣваетъ „другой“... Рудинъ могъ, вмѣстѣ съ Обломовымъ, произнести патетическую рѣчь: „Другой, кого ты разумѣешь, есть голь окаянная, грубый, необразованный человѣкъ, живетъ грязно, бѣдно, на чердакѣ; онъ и выпится себѣ на войлокѣ гдѣ-нибудь на дворѣ. Что такому сдѣлается? ничего. Трескаетъ-то онъ картофель, да селедку. Нужда мечетъ его изъ угла въ уголъ, онъ и бѣгаетъ день деньской“... „Другой есть такой человѣкъ, который самъ себѣ сапоги чиститъ, одѣвается самъ, хотъ иногда и бариномъ смотреть, да вретъ онъ—онъ и не знаетъ, что такое прислуга“... „Другой работаетъ безъ устали, бѣгаетъ, суетится, не поработаетъ, такъ и не поѣстъ“. Зачѣмъ работать Рудину?

д) Самоотверженная мать терпитъ лишенія для того, чтобы дать сыну средства учиться, потомъ жить за границей; а онъ забываетъ даже писать письма:

онъ привыкъ всякія одолженія считать за должную дань. Сынъ живетъ безъ нужды, а мать пусть „тре-скаеть картофель, да селедку“. Рудинъ живетъ на средства товарища-князя, пристроился къ барону Муффелю, потомъ къ Ласунской, занимаетъ деньги (безъ отдачи) у Ласунской, у Волынскаго: онъ по-ступаетъ въ компаньоны къ богачу-помѣщику, при-страивается въ секретари къ сановнику, мечтаетъ сдѣлать рѣку судоходною. Вмѣсто того, чтобы давать хозяйственные совѣты Ласунской, могъ бы заняться своей деревней; могъ бы, наконецъ, служить: онъ и поступаетъ учителемъ словесности, но бросаетъ дѣло... *Въ истинѣ* такъ не живутъ. Конечно, у всякаго че-ловѣка, даже у глубоко убѣжденнаго, бываютъ от-ступленія, паденія, заблужденія; но у Рудина сплош-ной рядъ отступленій, паденій,—и ни одного правиль-наго шага! Въ отношеніяхъ къ товарищамъ становит-ся деспотомъ; на правахъ генія вмѣшивается даже въ ихъ сердечныя дѣла: узнавъ о любви Лежнева къ одной дѣвушкѣ, сбиваетъ обоихъ съ толку своимъ анализомъ взаимныхъ отношеній.

е) Когда Наташа полюбила Рудина, нужно было дѣйствовать; но онъ „струсилъ“ предъ рѣшительнымъ шагомъ. Въ письмѣ къ Наташѣ онъ впадаетъ въ самобичеваніе, подобно Гамлету Щигровскаго уѣзда: „Еслибъ я, по крайней мѣрѣ, принесъ мою любовь въ жертву моему будущему дѣлу, моему призванію, но я просто испугался отвѣтственности“... Наряду съ самоуничтоженіемъ въ письмѣ Рудина, какъ и у Гамлета, проглядываетъ гордость, сомнѣніе: При-рода мнѣ дала *много*, но я умру, не сдѣлавъ ничего, *достойнаго силъ моихъ*“. Онъ, какъ и другіе роман-тики, считаетъ себя призваннымъ „міръ озарить“;

обыкновенныя житейскія дѣла не достойны его силъ — онъ „крыло могучее“.

ж) Образчикъ полемическихъ приѣмовъ Рудина мы видѣли раньше, видѣли и образецъ идей, выдаваемыхъ за убѣжденія („быть и жить въ истинѣ“). Слѣдуетъ еще указать на способъ развитія идей. Простое и ясное изложеніе мыслей никого не плѣнило бы, идея показалась бы слишкомъ простою, не представляющею ничего новаго: Рудинъ потому только и представляется краснорѣчивымъ, что не даетъ ясныхъ мыслей. Недаромъ Лежневъ называетъ Рудина кокеткой: онъ, дѣйствительно, кокетничаетъ своими рѣчами. Для поясненія идеи — „быть и жить въ истинѣ“ — Рудинъ приволитъ рассказъ о птичкѣ, влетѣвшей въ царскую палату ночью: „Царь, сказали придворные, птичка и въ темнотѣ не пропадетъ и свое гнѣздо найдетъ“. Рудинъ легендѣ даетъ толкованіе, совершенно не соотвѣтствующее данному образу: „наша жизнь быстра и ничтожна, но все великое дѣлается черезъ людей. Сознаніе быть орудіемъ *тѣхъъ высшихъ силъ* должно замѣнить человѣку всѣ другія радости: въ самой смерти найдетъ онъ свою жизнь, свое гнѣздо“. Конечно, Наташа и Липина, чѣмъ меньше понимали, тѣмъ большую премудрость подозревали. Отвлеченности давали Рудину полную возможность говорить возвышенно, но непонятно; когда же его попросили рассказать про студенческую жизнь, онъ оказался очень плохимъ рассказчикомъ и быстро перешелъ къ общимъ разсужденіямъ о просвѣщеніи.

Первый отзывъ Лежева „Рудинъ умный, но пустой человѣкъ“ — вѣренъ; въ концѣ повѣсти Лежневъ, какъ будто, измѣняетъ свое мнѣніе; но это дѣлаетъ только честь Лежеву: онъ жалѣетъ человѣка

въ несчастіи, въ его паденіи. De mortuis aut bene, aut nihil.

В. Люди съ такъ называемыми, возвышенными стремленіями увлекаются всѣмъ, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей; слово „обязанность“, повидимому, должно быть вычеркнуто изъ ихъ лексикона: они, вопреки совѣту Крылова, готовы лучше пѣть дурно соловьемъ, чѣмъ хорошо щегленкомъ. Беневоленскій, подобно другимъ любителямъ искусства, самъ совершенно бездарный, страстно любить искусство во всѣхъ его проявленіяхъ. Такіе любители искусства Рафаэля и Корреджіо называютъ „божественный Санчіо“, „не-подражаемый Де-Аллегрисъ“. Въ бесѣдахъ между собою они говорятъ: „Эхъ, Саша, Саша, на югъ бы намъ! вѣдь мы древніе греки“. Они доморощенныхъ художниковъ называютъ „хэніями“. Передъ картинами умиляются и говорятъ разбитымъ голосомъ: „Фу, ты, Боже мой! души-то, души-то что! эка, сердца-то, сердца! эка, души напустилъ! тьма души! А задумано какъ! мастерски задумано!“ Въ ихъ комнатахъ на картинахъ—сами хозяева въ халатахъ и ермолкахъ. Являются къ нимъ длинноволосые посѣтители; блѣднозеленыя барышни взвизгиваютъ за фортепіанами. Эти любители меценатствуютъ. Беневоленскій, разсмотрѣвъ съ видомъ знатока рисунки племянника Татьяны Борисовны и предполагая въ немъ талантъ, беретъ мальчика къ себѣ для развитія таланта. Въ результатъ изъ застѣнчиваго скромнаго мальчика вышелъ шумный, неряшливый, нахальный толстякъ, ничего не дѣлающій, но самодовольно хвастающій своею геніальностію.

Г. Къ „избраннымъ судьбами, людей священнымъ друзьямъ“, призваннымъ озарить міръ, принадлежитъ и старая дѣва, которая захотѣла развить „богатую

натуру“—Татьяну Борисовну. Дѣвица просвѣтительница долго мучила эту хорошую женщину; но къ счастію влюбилась въ студента и завела съ нимъ переписку. Въ письмахъ своихъ она „благословляла его святую жизнь, всю себя приносила въ жертву, требовала одного имени сестры“. Она описывала природу, упоминала о Шиллерѣ, Гете, о нѣмецкой философіи. Студентъ возненавидѣлъ „лучшаго друга и сестру“; при одномъ намека на возвышенную любовь онъ приходилъ въ остервенѣніе.

Д. При новыхъ вѣяніяхъ по случаю освобожденія крестьянъ, Рудинство нашло новый исходъ въ либеральныхъ рѣчахъ. „Сердце радуется, говоритъ Овсяниковъ, на молодыхъ помѣщиковъ глядя: обходительны, вѣжливы. Только вотъ что мнѣ удивительно: всѣмъ наукамъ они научились, говорятъ такъ складно, что душа умиляется, а дѣла-то настоящаго не смыслятъ, своей собственной пользы не чувствуютъ: ихъ крѣпостной человѣкъ, приказчикъ, гнетъ ихъ, куда хочетъ, словно дугу“. Это говоритъ Овсяниковъ о Королевѣ, молодомъ помѣщикѣ, который въ собраніи по поводу размежеванія говоритъ рѣчь: Мы, кажется, забыли, для чего собрались. Хотя размежеваніе безспорно выгодно для владѣльцевъ; но въ сущности оно введено для чего? для того, чтобы крестьянину было легко, чтобъ ему работать было сподручнѣе, повинности справлять; а теперь онъ самъ своей земли не знаетъ, и не рѣдко за пять верстъ пахать ѣдетъ—и взыскать съ него нельзя. Помѣщику грѣшно не заботиться о благосостояніи своихъ крестьянъ... И пошелъ, и пошелъ—да вѣдь какъ говорить! за душу такъ и забираетъ. Только чѣмъ кончилось? самъ четырехъ десятинъ мохового болота не уступилъ и продать не захотѣлъ.

4. Внѣшняя благовоспитанность А. Пѣночкинѣ.
а) Какъ всегда, отъ начала сближенія съ Европой, между помѣщиками были люди, по внѣшности очень порядочные, внѣшне-благовоспитанные. Пѣночкинѣ — гвардеецъ, потерявъ въ обществѣ; на него наложилъ свой отпечатокъ служба, коснулся и Западъ. Домъ выстроенъ по плану французскаго инженера; слуги одѣты по-англійски; раздѣвать вечеромъ гостя является великолѣпный камердинеръ. Кучера моютъ не только кареты, но и лицо и руки. Къ завтраку, по-англійски, является камердинеръ въ бѣлыхъ перчаткахъ. Самъ Пѣночкинѣ одѣтъ въ шелковыя шаравары, въ бархатную куртку; на головѣ феска, на ногахъ китайскія туфли безъ задковъ. Садясь, подкладываетъ подушки и рассматриваетъ ногти. Поѣздка въ недалекую деревню сопряжена съ громоздкими сборами: набирается множество бѣлья, костюмовъ, духовъ. Пѣночкинѣ эпикуреецъ; къ дурному обществу безразличенъ. Онъ выписываетъ французскія книги, но не читаетъ; едва одолѣлъ „Вѣчнаго жида“. Философію считаетъ туманною.

б) Пѣночкинѣ строгъ, но справедливъ: наказываетъ мужиковъ „для ихъ же блага“, „печется о благѣ подданныхъ“ — „съ ними нужно какъ съ дѣтьми, потому что невѣжество“. У него нѣтъ рѣзкихъ движеній; онъ только прямо тычетъ рукою, и при этомъ, искрививъ ротъ и стискивая зубы, говоритъ: „Вѣдь я тебя просилъ, любезный мой!“ „Что съ тобой, другъ мой, опомнись!“ Онъ заботится о поварѣ: когда тому повозкой придавило животъ, онъ съ безпокойствомъ спрашиваетъ, цѣлы ли у него руки, можетъ ли готовить обѣдъ. Имѣніемъ у Пѣночкина завѣдуетъ бурмистръ Софронъ: „Шапиловка только числится за тѣмъ, какъ бишь его, за Пѣночкинымъ-то;

вѣдь не онъ ей владѣть: Софронъ владѣть“, говорить мужикъ. Софронъ за мужиковъ вносить недоимки, а потомъ забираетъ „въ кабалу“. Когда Анпадистъ узналъ, что мужикъ Антипъ пожаловался Пѣночкину на бурмистра, то съ сокрушеніемъ сказалъ: ну, заѣстъ онъ теперь, заѣстъ человѣка совсѣмъ. Староста теперь забьетъ его. Экой, безталанный, подумаешь, бѣдняга! И за что терпѣть? на сходѣ съ нимъ повздорилъ, съ бурмистромъ-то, не втерпѣжъ, знатъ пришлось. Велико дѣло! вотъ онъ его, Антипа-то, клевать и началъ. Теперь доѣдетъ: вѣдь онъ такой песъ, собака, прости Господи мое прегрѣшеніе, знаетъ, на кого налечь. Стариковъ, что побогаче, посемейнѣе, не трогаетъ лысый чортъ, а тутъ вотъ и расходился! Вѣдь онъ Антиповыхъ-то сыновей безъ очереди въ некруты сдалъ, мошенникъ безпардонный, песъ, прости Господи мое прегрѣшеніе!

в) Внѣшне Шипиловка благоустроена, потому что бургомистръ, по мнѣнію Пѣночкина, „государственный человѣкъ“. Гумно, рига, овины, сараи, вѣтряная мельница, скотный дворъ, зеленя, конопляники были въ образцовомъ порядкѣ; всѣ канавы были обсажены раkitникомъ; между скирдами дорожки усыпанныя песочкомъ; на мельницѣ флюгеръ въ видѣ медвѣдя съ разинутой пастью и краснымъ языкомъ; у скотнаго двора фронтонъ съ надписью: „Построен всею Шипиловке втысеча восемъ Содъ саракавомъ году. Сей скотный дворъ“. Дисциплина въ селѣ была строгая: при въѣздѣ барина „тревожное волненіе, видимо, распространялось по селу. Бабы въ клѣтчатыхъ паневахъ швыряли щепками въ недогадливыхъ или слишкомъ усердныхъ собакъ; хромоу старикъ съ бородой, начинавшейся подъ самыми глазами, оторвалъ недопоенную лошадь отъ колодца, ударилъ ее, неизвѣстно, за

что, по боку, а тамъ уже поклонился. Мальчишки въ длинныхъ рубашонкахъ съ воплемъ бѣжали въ избы, ложились брюхомъ на высокій порогъ, свѣшивали головы, закидывали ноги кверху и такимъ образомъ весьма проворно перекатывались за дверь, въ темныя сѣни, откуда уже и не показывались. Даже курицы стремились ускоренною рысью въ подворотню: одинъ бойкій пѣтухъ съ черною грудью, похожей на атласный жилетъ, и съ краснымъ хвостомъ, закрученнымъ на самый гребень, остался-было на дорогѣ и уже совсѣмъ собрался кричать, да вдругъ сконфузился и тоже побѣжалъ. Вся семья старосты приняла Пѣночкина подобострастно.

Б. а) Хвалынский отставной генераль; смѣется звонко, позвякиваетъ шпорами, крутитъ усы. На званныхъ обѣдахъ сначала величественно молчитъ, потомъ начинаетъ улыбаться на всѣ стороны, предлагаетъ тостъ „за прекрасный полъ—украшеніе нашей планеты“.

б) Съ губернаторомъ и съ другими высшими лицами обращается подобострастно и, при всей своей скупости, даже охотно проигрываетъ. Будучи адъютантомъ, во всей парадной формѣ парилъ въ банѣ своего начальника. Любитъ играть въ карты съ низшими, распекаетъ ихъ и жилить. Обыкновенно, въ разговорѣ на низшихъ небогатыхъ глядитъ сбоку, говорить съ ними особымъ языкомъ: „Болдарю, Паль Асичъ!“ „Пажалте сюда, Михаль Ваньчъ!“ А съ нѣкоторыми прежде, чѣмъ сказать что-нибудь, нѣсколько разъ повторить: „Какъ тебя, какъ тебя зовутъ?“ Спора, особенно съ молодыми, не терпитъ: еще изъ повиновенія выйдутъ. Въ рѣшительныхъ случаяхъ говоритъ: „Я, наконецъ, вынужденнымъ нахожусь, милесвѣй сдари, поставить вамъ на видъ“.

в) Хвалынскій принадлежитъ къ хозяевамъ, которые за-глаза отдають „мудрыя“ приказанія: во избѣжаніе пожаровъ на гумнахъ велятъ снопы сажать, когда огонь уже совсѣмъ потухнетъ; такъ какъ макъ дороже хлѣба, приказываютъ поля засѣвать макомъ, приказываютъ бабамъ носить кокошники по даннымъ образцамъ.

В. Звѣрковъ—въ иномъ родѣ: онъ—дѣлецъ съ апломбомъ, на молодыхъ смотритъ свысока: они, по его мнѣнію, „не понимаютъ русскаго народа“. Звѣрковъ взялъ дѣвочку, дочь старосты, къ себѣ, ко двору, въ Петербургъ. „Староста, говоритъ онъ, конечно, намъ въ ноги: онъ такого счастія, вы понимаете, и ожидать не могъ... ну, дѣвочка, конечно, поплакала едурю. Жена жалуется ея наконецъ, помимо другихъ, въ горничныя къ своей особѣ: замѣчайте! Вдругъ, въ одно прекрасное утро, вообразите себѣ! входитъ ко мнѣ Арина (ее Ариной звали) безъ доклада въ кабинетъ—и бухъ въ ноги... Я этого, скажу вамъ откровенно, терпѣть не могу: человѣкъ никогда не долженъ забывать свое достоинство“. По поводу просьбы Арины о дозволеніи ей выйти замужъ Звѣрковъ „возмущенъ неблагодарностью“: „кажется, злодѣй—и тотъ бы пожалѣлъ его жену—ангела во плоти: она не терпѣла замужнихъ горничныхъ“. Что ни говорите, чувства, сердца въ этихъ людяхъ не ищите: какъ волка ни корми—онъ все въ лѣсъ смотреть“.

Г. У Пѣночкина, Хвалынскаго и Звѣркова европеизмъ слился съ дикостью нрава, со звѣрствомъ, отличающимся отъ звѣрства Простаковой только по внѣшности: Простакова воскликнула бы: „Замужъ! ахъ, она бестія! точно благородная!“ а Звѣрковъ находитъ умѣстнымъ замѣтить по этому поводу о недостаткѣ сердца, чувства, человѣческаго достоинства. Хвалын-

скій глубокое презрѣніе къ низшимъ прикрываетъ презрительною вѣжливостью, улыбками на всѣ стороны. Пѣночкинъ, отдавшій своихъ крестьянъ въ кабалу бурмистру, свою жестокость прикрываетъ нѣжными эпитетами: „другъ мой“, „мой любезный“.

5. Нѣкоторые помѣщики, изъ желанія казаться европейцами, впадали въ причуды. Полутыкинъ занимается литературой: хвалить сочиненія Акима Нахимова и повѣсть „Пинну“; безо всякой нужды строить контору, которую вскорѣ пришлось уничтожить: осталось только одно пріятное воспоминаніе о полученіи двухъ тысячъ У него „французская кухня“, секретъ которой въ извращеніи естественнаго вкуса всякаго кушанья. Онъ дѣлаетъ предложенія всѣмъ окрестнымъ невѣстамъ, и ото всѣхъ получаетъ отказъ; а потомъ посылаетъ имъ кислые персики. Много времени всѣмъ рассказываетъ одинъ и тотъ же анекдотъ. Королевъ собирается строить бумажную фабрику на болотѣ. Лоснякова содержитъ контору: всѣ дѣла ведутся на бумагѣ. Гримченко изъ какихъ-то высшихъ соображеній мастерицу Федосью, платившую 180 рублей въ годъ, беретъ съ оброка. Барыня Сучка-казачка дѣлаетъ „фалеторомъ“, потомъ садовникомъ, доѣзжачимъ; Сучокъ былъ въ ученьѣ у сапожника, былъ актеромъ, попалъ въ „кофишенки“, и „Антономъ“ прозывался, а не Кузьмой—барыня такъ приказали; изъ кофишенокъ произведенъ поваромъ, изъ поваровъ попалъ въ кучера; изъ кучеровъ разжалованъ въ рыболовы на прудѣ, въ которомъ не было рыбы (служилъ безъ жалованья и харчей). Эта помѣщица не позволяла жениться: „Вѣдь живу же я въ дѣвкахъ: что за баловство! чего имъ надобно?“

6. Пустота разныхъ затѣй, причуды, безплодіе даже серьезнаго образованія происходили отъ отсут-

ствія труда, отъ барства; помѣщики оторвались отъ почвы, отъ своего народа. Иначе и быть не могло: не имѣя занятій, они проживали за границей, или эту „за-границу“ устраивали у себя дома: домъ Фамусова открытъ для всѣхъ, „особливо для иностранныхъ“. „Дались намъ эти языки, говоритъ онъ: беремъ же побродягъ и въ домъ и по билетамъ“. Французскій барабанщикъ Лежень дѣлается учителемъ музыки. „Старушка-золото“, madame Розье нанята вмѣсто матери. Необходимо должна была явиться реакція: славянофилы представители этой реакціи. Были славянофилы въ литературѣ—должны явиться и въ жизни. Въ жизни произошло подобное тому, на что указалъ Гоголь въ литературѣ: русская литература прежде, чѣмъ сдѣлаться самостоятельной, должна была „обвѣяться, литературами всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ: наши русскіе люди должны были тоже обвѣяться западничествомъ, чтобы современемъ стать въ ряды высшихъ представителей челоуѣчества; но послѣднее возможно только на національной почвѣ: безплодны подражательныя направленія литературы, безплодно и въ жизни чистое западничество. Славянофильство необходимая реакція западничеству. Любозвоновъ своеобразный славянофилъ, новое, еще мало опредѣлившееся, явленіе въ русской жизни; а для крестьянъ явленіе совсѣмъ непонятное, дикое: „Глядятъ мужики—что за диво! ходитъ баринъ въ плисовыхъ панталонахъ, словно кучеръ, а сапожки обулъ съ оторочкой; рубаху красную одѣлъ и кафтанъ тоже кучерской; бороду отпустилъ, а на головѣ така шапочка мудреная, и лицо тоже мудренное: пьянъ не пьянъ, а не въ своемъ умѣ.— „Здорово, говоритъ, ребята! Богъ вамъ въ помощь!“ Мужики ему въ поясъ молча: заробѣли, знаете. И онъ, словно, самъ робѣетъ.

Сталъ онъ рѣчь держать: я де русскій, говорить, и вы русскіе; я русское люблю... русская, дескать, у меня душа, и кровь тоже русская.. Да вдругъ какъ скомандуетъ: „а ну, дѣтки, спойте-ка русскую, народственную пѣсню“. Бывали у насъ, говорить Овсяниковъ, и такіе помѣщики, отчаянные господа, гуляки записные, точно; одѣвались, почитай что, кучерами, и сами плясали, на гитарѣ играли, пѣли и пили съ дворовыми людишками, съ крестьянами пировали, а вѣдь этотъ-то, Василій то Никитичъ, что красная дѣвица: книги читаетъ, али пишетъ, а не то вслухъ канты произносить, ни съ кѣмъ не разговариваетъ, дичится, знай себѣ по саду гуляетъ, словно скучаетъ, али груститъ. Приказчикъ-то было испугался, а потомъ повелъ дѣла по-своему.

Несмотря на то, что Любозвоновъ представляетъ нѣчто новое, но люди, подобные Любозвонову, не вносятъ въ жизнь ничего новаго: надѣвая крестьянскую одежду и поддѣлываясь подъ народную рѣчь, они чужды народу и даже смѣшны; они не облегчаютъ и участь народа; занимаются тѣмъ же барскимъ дѣломъ: читаютъ, пишутъ, „произносятъ канты“, по-барски „скучаютъ или грустятъ“.

7. Попытки вести идейную жизнь были неудачны: не было цѣли жизни, не было и содержанія, того, чѣмъ пополняется жизнь—труда. Другіе, не задаваясь идеями, „не мудрствуя лукаво“, жили въ свое удовольствіе: одни, болѣе состоятельные, жили во всю ширь и проживались; другіе предавались низменнымъ удовольствіямъ.

а) „Сабакъ, говорить вольноотпущенный чело-вѣкъ разорившагося графа, Туманъ, больше для важности, такъ сказать, держать слѣдуетъ... И чтобы все уже было въ порядкѣ, и лошади чтобы были въ

порядкѣ, и все. Покойный графъ, царство ему небесное! охотникомъ отродясь, признаться, не бывалъ, а собакъ держалъ, и раза два въ году выѣзжать изволилъ“. При выѣздѣ костюмы, извѣстный порядокъ, гости. И забава и почетъ соблюденъ“, Но охота все-таки только дополненіе къ пирамъ: графъ, вельможественный человѣкъ“ больше любилъ пировать. „Къ нему можно сказать, первыя особы изъ Петербурга наѣзжали. Въ голубыхъ лентахъ, бывало, за столомъ сидятъ и кушаютъ. Ну да и угощать былъ мастеръ! призоветъ, бывало, меня: Туманъ, говоритъ, мнѣ къ завтрашнему числу живыхъ стерлядей требуется, прикажи достать —слышишь!“ — „Слушаю, ваше сіятельство!“ Кафтаны шитые, парики, трости, духи, ладекалонъ перваго сорта, табакерки, картины этакія большущія изъ самаго Парижа выписывалъ. Задастъ банкетъ -- Господи, Владыко живота моего! фейерверки пойдутъ, катанья; даже изъ пушекъ палятъ! Музыкантовъ однихъ 40 человѣкъ налицо состояло; капельмейстера изъ нѣмцевъ держалъ... Плясать пустятся—до зари пляшутъ, и все больше лакосезъ-матродура“. Какая участь иногда постигаетъ этихъ „вельможественныхъ“ господъ можно видѣть на Ѳедорѣ Михеичѣ („Мой сосѣдъ Радиловъ“). Ѳ. Михеичъ, 70-лѣтній старикъ, разорившійся богатый помѣщикъ, хватъ, увезшій двухъ женъ, по своей нечистоплотности обѣдаетъ у Радилова за особымъ столомъ. Играя на скрипкѣ, онъ пляшетъ по приказанію хозяина, у котораго состоитъ приживальщикомъ; въ награду получаетъ рюмку водки.

б) Комовъ, по отзыву Овсяникова, пьяный человѣкъ. Напьется и скажетъ: „се бонъ“, и пошлетъ сзывать сосѣдей, тройки готовы; не поѣдешь—самъ нагрянеть. Какъ выпьетъ, лжетъ безъ удержа: „у не-

го въ Питерѣ три дома на Фонтанкѣ: одинъ красный съ одной трубой, другой желтый съ двумя трубами, а третій синій безъ трубы, и три сына (а онъ и женать не бываль): одинъ въ инфантеріи, другой въ кавалеріи, а третій самъ по себѣ. Въ каждомъ домѣ живетъ по одному сыну; къ старшему ѣздятъ адмиралы, ко второму генералы, а къ младшему все англичане. Комовъ заставляетъ всѣхъ пить за сыновей; а если откажется кто, „застрѣлю“, кричитъ. А то вскочить и кричитъ: Пляши, народъ Божій, на мою потѣху! Дѣвокъ заставить плясать, а стануть уставать, загорюеть: „Охъ сирота я сиротливая! покидаютъ меня, голубчика!“ Комовъ на бѣду полюбилъ отца Овсяникова чуть до смерти не замучилъ; но самъ съ голубятни пьяный свалился и умеръ.

8. Довольно многочисленны были помѣщики, живущіе, какъ Стегуновъ, по-старинному. Стегуновъ (владелецъ 500 душъ) низенькій, толстенный чело-вѣкъ, съ двойнымъ подбородкомъ, хлѣбосоль и балагуръ; всегда въ шлафрокѣ. Домъ у него старинный, и все по-старинному: пахнетъ квасомъ, соевыми свѣчами, кожей; въ прихожей трубки, утиральники. Въ столовой мухи, фамилные портреты, ервань, кис-лые фортепіаны. Въ гостиной три дивана, три стола, сильные часы. Въ кабинетѣ столъ съ бумагами, шир-мы съ наклеенными картинками, вырѣзанными изъ старинныхъ книгъ, вонючія книги; самъ хозяинъ уже не читаетъ даже Сонника. Дворня старинная. Эки-пажъ домашняго приготовленія, вѣсомъ въ 150 пудовъ. Гостей Стегуновъ окармливаетъ неудобоваримыми кушаньями. О благосостояніи крестьянъ не очень заботится: во время размежеванія онъ переселилъ крестьянъ на неудобное мѣсто; ни одного дерева не увидишь кругомъ; колодезь одинъ, да и тотъ нику-

да не годится; избенки даны скверныя и тѣсныя. Сдѣлалъ это Стегуновъ на основаніи стариннаго взгляда: „Коли баринъ такъ баринъ, а коли мужикъ — такъ мужикъ“. „Да притомъ и мужики плохіе, опальные“. Есть семьи, которыя не жаловалъ его отецъ. По мнѣнію Стегунова: „коли отецъ воръ, то и сынъ воръ; ужъ тамъ какъ хотите.. О, кровь, кровь — великое дѣло!“ Жесткій эгоизмъ, прикрытый добродушною наружностью, обнаруживается у Стегунова во всемъ; онъ даже наслаждается страданіемъ другихъ. Прекрасный вечеръ. Стегуновъ съ гостемъ на балконѣ съ наслажденіемъ пьетъ чай; вдругъ, взглянувъ въ садъ, онъ приходитъ въ страшное волненіе: „Чьи это куры? чьи это куры? чьи это куры по саду ходятъ? Юшка, Юшка! поди, узнай сейчасъ, чьи это куры по саду ходятъ? чьи это куры? Сколько разъ я запрещалъ, сколько разъ говорилъ!? Восьмидесятилѣтній Юшка и трое дворовыхъ ринулись на куръ — и началась травля. Баринъ кричалъ въ изступленіи: „Лови, лови! лови! лови! лови! чьи это куры?“ — „А, вотъ чьи это куры! съ торжествомъ воскликнулъ помѣщикъ: Ермила кучера куры! вонъ, онъ свою Наталку загнать ихъ выслалъ“. Явилась ключница и нѣсколько разъ шлепнула Наталку по спинѣ. — „Вотъ тѣкъ, э вотъ тѣкъ, подхватилъ помѣщикъ: те, те, те! А куръ-то отбери, Авдотья“. Стегуновъ съ радостнымъ лицомъ обратился къ гостю: „Какова, батюшка, травля была, ась? вспотѣлъ даже, посмотрите“. Когда все успокоилось, Стегуновъ принялся пить чай; вдругъ онъ остановился, прислушался, кивнулъ головой и, ставя блюдечко на столъ, произнесъ съ добрѣйшей улыбкой и какъ бы вторя ударамъ: „чюки-чюки-чюкъ! чюки-чюкъ! чюки-чюкъ!“ „Тамъ по моему приказанію шалунишку наказываютъ“.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Литература послѣ Гоголя. Тургеневъ.

П л а н ъ.

- I. Дѣленіе типовъ, данное Тургеневымъ.
- II. Романтики (или идеалисты) и реалисты.
 - A. 1. Романтизмъ по „Камозэнсу“ Жуковского. Его значеніе въ жизни.
 2. Исходный пунктъ романтизма.
 - а) Неудовлетворительная дѣйствительность („О рыбацкѣ и рыбкѣ“).
 - б) Безпричинное недовольство („Парусъ“ и „Ангель“ Лермонтова).
 3. Разнообразіе стремленій романтиковъ: возвышенное и низменное.
 4. Дѣленіе романтиковъ на виды:
 - а) Уходъ въ міръ фантазіи.
 - б) Исканіе „уголка“ забвенія.
 - в) Успокоеніе въ природѣ, въ ея красотахъ.
 - г) Идеализація жизни.
 - д. Исканіе осуществленія идеала внѣ данныхъ условій жизни.
 - е) Протестъ существующему.
 - Б Реализмъ. Гоголь и Тургеневъ (общая характеристика)
- III. Дѣленіе всѣхъ авторовъ на двѣ группы.

Гоголевская группа. Тургеневъ.

Тема: *Помѣщики по «Запискамъ охотника» и Рудину.*

- I.
 - 1 Различіе Гоголя и Тургенева по широтѣ содержанія.
 2. Различіе по выбору типовъ.
 3. Общій обзоръ фазисовъ творчества Тургенева.
- II.
 1. Значеніе „Записокъ охотника“.
 2. Общая характеристика интересовъ помѣщиковъ — „задоръ“.
 3. Помѣщики съ высшими интересами:

- А. Гамлетъ: { а) Сходство съ Ленскимъ и различіе.
б) Образованность.
в) Причина образованія
г) Безцѣльное шатаніе и приниженность.
д) Характеръ смиренія.
е) Неоригинальность.
- Б. Рудинъ: { а) Сходство съ Чацкимъ и различіе.
б) Фонъ картины. Идея произведенія.
в) Убѣжденіе.
г) Истинная роль Рудина: Обломовщина.
д) Противорѣчія идеѣ.
е) Сходство съ Гамлетомъ.
ж) Рудинскіе приемы.
- В. Беневоленскій.
Г. Дѣвица-просвѣтительница.
Д. Королевъ.
4. Внѣшнеблаговоспитанные:
- А. Пѣночкинъ: а) Образъ жизни.
б) Отношеніе къ людямъ
в) Имѣніе.
- Б. Хвалынскій: а) Внѣшность.
б) Отношенія къ людямъ
в) Хозяйство.
- В. Звѣрковъ.
Г. Общее свойство упомянутыхъ лицъ.
5. Мелкія причуды европеизма.
6. Славянофильствованіе.
7. Помѣщики, преданные удовольствіямъ:
а) Возвышенныя удовольствія.
б) Низменныя удовольствія.
8. Помѣщикъ стариннаго типа—Стегуновъ.

А. Барсовъ.

2010515572